Новые вопросы в науке, множатся намного быстрее найденных ответов. Был в одном небезызвестном произведении такой кубок. Зачарованный кубок, который, если уронит кто, то он раздвоится. Из двух получится четыре, из четырех восемь и так до тех пор, пока несчастный не будет заживо погребён под неисчислимым количеством кубков. Так и с вопросами. На место одного ответа, приходится два, три, а то и все четыре вопроса, на которые так срочно нужно найти ответ.

Для Нилрема, заряженного на позитив мальчика, вопроса не стояло вовсе. Он не любил отвечать на них, оставляя вопросы крестьянам, которые не в состоянии без них, на голой интуиции понять простейшие механизмы мира. Человек из двадцать третьего столетия и вправду ужасен. Тот поток информации, что поглощал предок за месяц, двумя столетиями ранее, для поколения «Эго» является обычным «глотком» одного дня.

Обширные знания компенсировались их поверхностностью. Впрочем, ели же, такому человеку нечего делать, а новых знаний поступает в разы меньше, от безнадеги он начнет углубляться в то, что знал ранее на примитивном уровне.

Ещё мороз, щекотал щёки Нилрема, а сам он находился на знакомой для себя поляне. Сейчас она представляла белую пустошь, покрытую густым слоем снега. Мальчик осторожно начал ступать на белую гладь, проваливаясь в сугробы все сильнее и сильнее. Штаны были заправлены в обувь, потому особого холода он не ощущал, но здесь было над чем поработать. Комфорта как такового, в подобном убранстве не существовало, а передвигался Нилрем неуклюже-комично.

Пройдя к центру, он наконец остановился, перестав истязать собственное тело и начал разбрасывать снег варежками.

— Ну и присыпало, тоже мне, конец зимы называется, — недовольно бормоча себе под нос, мальчику удалось докопаться до куска ледяной глыбы.

Окружностью не более сорока сантиметров в диаметре, это была сфера внутри которой покоилась птица.

Как настоящий археолог, Грейрат с большой заботой к ископаемому, прочистил глыбу от малейших пятен снега. Как только глаза убедились в сохранности ледяной темницы он создал в своей руке шар огня, а после опустил ладонь, направил его вниз к земле. Тут же расплавился снег, зашипел он от кипения, а со стороны могло казаться, шипел от боли. Освободив себя создав воронку в два на два метра, Нилрем приложил руку к земле, основательно нагревая её поверхность. Снег с неё соответственно испарялся, высвобождая воду, которая недолго думая превращалась в пар. Не смотря на бушующую температуру вокруг, лоб мальчика так и оставался полностью чист, на нем не явилось и капли пота, а сфера льда в его руке даже не думала топиться.

Закончив с очищением места, из-под земли потянулся квадратный куб и второй куб поменьше, соответственно создавая стол и стул.

Следующим этапом было топление ледяной тюрьмы, в которой находилась птица.

Разморозив её, Нилрем сложил руки вместе. Он давно расстегнул свое пальто и снял неуклюжые рукавицы с шапкой, которая превращала его лик в угрюмый шар недовольства (именно так его наименование отразилось в сердце Зенит, которой этот образ показался очень даже очаровательным).

Тело птицы не двигалось, продолжая испускать пар. В один момент, Нилу показалось что она дёрнулась, но это было его воображение.

Шмыгнув носос и положив руку над трупом, он активировал исцеление, тем самым насильственно запуская сердце птицы. Грейрат заставил тело прийти в себя. А что же на счёт мозга? Считается, что исцелить мозг правильно невозможно даже магией святого уровня. Поэтому голову в этом мире считают самым важным органом.

А Нилрему же, голову лечить и не надобно. Только зря потратит усилия, на дальнейшую поимку птицы если она вернет свой разум. Вместо этого он достал нож и одним резким взмахом отсёк кусок брюха от тела. Птица тут же начала биться в конвульсиях. Поврежденный центр управления посылал ответ на пришедшие сигналы боли.

Нил провел рукой над головой птицы, и тело успокоилось, лишь изредка подрагивали конечности, которые свидетельствовали недавнюю конвульсию.

После, ладонь снова прошлась над птицей, и та, словно по включателю, опять впала в неистовое состояние. Процесс повторился много-много раз, пока с уст мальчика не слетел лёгкий смешок.

— Хорошо… чудесно, замечательно! — каждое слово имело все больше силы, а последнее перешагнуло порог обычного тона, перейдя на крик. Возбуждено хлопнув по живому ворону рукой, тот начал регенерировать срезанную рану. Лечение продлилось считанные секунды, прежде чем ворон вспыхнул ярким светом, словно его маленькое тельце зародило в своих недрах маленькое солнце. Не осталось от птицы ничего кроме обугленных костей. Принюхавшись, мальчик подавил нахлынувший одномоментно аппетит. Он забыл пообедать, целиком заставляя себя погрузится в работу. Она отнимала больше его времени, чем современные гаджеты у молодёжи.

Подгорелый запах птицы, рисовал в его голове образы цельного, мягкого и нежного куска стейка. Политый соусом, стекающие соки свежего мяса прожаренного до хрустящей корочки стейка будоражили воображение Грейрата. То солоноватое послевкусие мяса, острое, но не слишком ощущение соуса на губах. Ничего так не томит, как ожидание сочного куска мяса. А чтобы поскорее вкусить столь обожаемое мясо, сперва надо было его заслужить. Награда желаннее тогда, когда её достижение не далось легко и просто.

Оказавшись на пороге дома, заваленный снегом с ног до головы, Нилрему пришлось по новой осушать свою одежду. На входе его вежливо поприветствовала Лили, все ещё исполняющая обязанности служанки, пускай часть работы на себя и взял Рудэус с Полом.

Махнув ей рукой, Нилрем принял более уверенную позу, за которой скрывал свое возбуждение от достигших результатов.

— Думаю, сегодня, я решу твою проблему, так что можешь меня благодарить, ведь я, великий…

— Спасибо, — все таким же бесстрастным тоном, как и до этого, сказала Лили. Нил опешил, вспоминая, о том, как служанка ему благоволит. Не было особого смысла показушничать и перед ней.

— Кхм, да хорошо. Зайдешь ко мне после обеда.

***

Событие, в моем понимании, было не из рядовых. Брат наказал очистить комнату от своего присутствия и посторонних вещей, ведь сейчас будет проходить операция. Кроме стола, покрытого кожей, недавно вываренной в кипятке, и Лили в комнате больше то никого быть не должно. Сам Нил был одет в плотный белый фартук (сам не знаю, откуда он сумел добыть экземпляр на свой рост), и что-то мне подсказывает, совсем скоро к нам выйдет мясник, заляпанный кровью. Как в тех хоррор играх, которые я особо и не проходил. Для душевного спокойствия, мне больше нравились новеллы да эроге. Жанр Гуро (поджанр хентая, изображающий жестокие формы сексуального насилия, а также всевозможные сцены, вызывающие отвращение) вне моего вкуса.

— Послушай, там точно все будет в порядке? Ты же случайно не перережешь ей не ту артерию?! Не перепутаешь синий и красный провод?!

— Брат мой, Рудэус, я сомневаюсь, что человеческое тело подобит примитивной бомбе с таймером. Оно не умрет так просто, а с моей помощью, так вообще без половины тела можно жить… какое-то время.

— Но все же, Лили недавно пережила роды, разве нельзя подождать, ну не знаю, месяц или больше?

— Я и так отложил операцию подольше, не нужно так волноваться.

— Да как тут не волноваться?

Мне на плечо упала рука Пола, охлаждая пыл. Бросив на него взгляд, он мне понимающе улыбнулся, и в попытке взбодрить, толкнул к Сильфи, которая пришла болеть вместе со всеми.

— Иди, боец, помоги свей подруге, это единственное, что ты можешь сделать.

«Единственное?» Отчасти, похотливый отец был прав. Я не силен в целительстве как Нилрем, да и понимаю в нем меньше той же Зенит. Но Лили же… она знает о моей дивной реликвии, и в частности молчит о ней. Я все ещё считаю себя её должником, несмотря на то, что произошло год назад.

Вместе с Нилом в опечатанную комнату, зашла Лили в одном халате, а за ней и Зенит. Каким бы я был человеком, если бы представил, что там может быть, с двумя взрослыми милфами и одним шотой… Чёрт, представил всё-таки.

Матушка сама вызвалась наблюдать и в случае чего помочь своими силами. Я же не пошёл, потому что… хех, духу не хватает. Ещё в прошлой жизни не любил кровь и насилие, а в этой так и подавно. Решение защитить свое психическое здоровье было оправдано очень эгоистической причиной.

За спиной раздался приглушённый чих Сильфи.

Моя ровесница сейчас большущими глазками смотрела на моих сестричек. Как я того и желал, у Лили и Зенит родились девочки. Две милые и беззащитные девочки. От Зенит — Норн, от Лили — Аиша. На первый взгляд девочки похожи между собой, только уже сейчас можно заметить их особенности. Норн, та что со светлыми волосами, более плаксивая. Завидев плач сестры, Аиша, у которой были приятного оттенка малиновые волосы, словно начинала подражать впадала в такое же состояние.

Сейчас моя зеленоволосая подруга, носилась с ними как курица с цыплятами. Она тянулась к

ним своими маленькими ручками, робко вздрагивая, когда её брали за палец. Какая неподдельная улыбка сияла на её лице. Без злого умысла, без тех переживаний, которые я сейчас испытываю. Все это… кажется мне таким замечательным и нескончаемым сном.

— Кажется, я поняла, Руди, — подойдя к Сильфи мне тут же выкинули эту фразу.

— А, что именно? — неловко усмехнувшись я потянулся к волосам на голове.

— Помнишь, ты говорил, что хочешь стать для них лучшим братом на свете?

— Да, припоминаю, — в самом деле? Я такое говорил? Впрочем, чего только не ляпну, как снизойдёт госпожа мотивация.

— Вот, и я поняла, что тоже хочу быть для них родной!

Ух, в самое сердце! Такая милота, такая прямолинейность и невинность… Мудрец, что же ты мне посоветуешь? Как мне не заработать сердечную недостаточность?

— О-хо-хо, какие страсти, — Пол с улыбкой присоединился к балованию малышей. — слышал её, Руди, как думаешь, сделаешь её частью семьи?

А какая лыба в этот момент появилась на его лице… Стоп, я же сам так же улыбаюсь! Не-не-не, мне конечно хочется, уложить фундамент, там, подружится побольше с такой милой девочкой как Сильфиетта, но нам же ещё только по семь лет! О чем он думает? Пошляк, впрочем, я не лучше.

— Не при ней же… — мы с отцом отстранились подальше от Сильфи, которая продолжила играться с детьми. Им она нравилась иногда больше чем я или Пол, или даже Нил.

Последний много с ними времени не проводит, но как решается, часто важничает. Достает стул, берет свою набитую под завяз бумагой, книгу, открывает ее и с блаженным видом зачитывает им свои выкладки, словно это простая сказка. Делает он это исключительно, когда думает, что его никто не видит, но секрет в том, что его видят все.

— А что, рано или поздно кто-то из вас получит её сердце, — наклонившись ниже, Пол начал говорить тише. — и, если честно, я больше на твоей стороне.

— Отец… — сколько же воодухотворения я собирался вложить в это слово. Не передать глазами как сильно я зауважал Пола. — но, разве Нил не лучше? Он же твой лучший ученик.

— Хм, как бы сказать, — сложив руки в замок Пол кинул мимолетный взгляд на двери, за которыми проводилась операция. — пусть Нил и достиг начального уровня в двух стилях, к его годам это взаправду пугает, но вот ты разве не замечал в нем «это»?

— Какое «это»? О чем ты?

— Ну вот «это». Взгляд, поведение, построение слов, ведёт себя, самую малость как аристократ. Я хочу лишь лучшего для вас, моих сыновей, а потому не могу просто смотреть каким высокомерным растёт мой наследник. Проигрыш, пусть даже на любовном фронте, будет для него отрезвляющим ударом.

«Боже ну ты и говнюк…» Правда зёрна истинны есть в его словах. Напыщенность не приведет до добра. Я понимаю, Нил силён, но стоит помнить, что всегда будет рыба покрупнее.

Обжечься в настоящем мире легче чем кажется. Небрежно брошенные слова, или попытка установить справедливость может дорого аукнутся, по себе знаю.

— Я… я понимаю тебя, мне тоже иногда так кажется, — серьезно кивнув, я прямо посмотрел папе в глаза. Его желание не нанести вред, а показать, как бывает в жизни. Принести жизненный урок. Спустить брата на землю, ведь гордыня далеко не благодетель, это смертный грех. — мы должны поставить Нила на свое место.

— Да…

— Куда?

Только Пол собирался ответить, как по моей спине табуном забегали мурашки от одного вопроса. Мальчишеский, не сломленный голос ещё не должен так звучать! Позади стоял Нилрем, который мирной улыбкой провожал меня и отца в Рай… нет, точно в Ад!

— Вижу у вас тут сплетни. Я не прочь поучаствовать, все же, тоже мальчик, — улыбка становилась до того натянутее, чем ближе подходил брат. — ну же, не останавливайтесь, о чем говорили?

Сейчас встречаться взглядом с Нилом, значило приговор, а потому никто из нас не оборачивал лицо. Казалось улыбка на моей физиономии застыла воском, и я должен снять её рукой, а не силой мысли.

— Н-нилрем, ты уже всё? Как прошла операция? — Пол действовал несколько умнее.

— Я считаю, что сработал максимально отлично для этой ситуации.

Наконец напряжение спало, а я повернулся. На фартуке, как я ожидал, не было и доли процента того количества крови, которое я себе представлял. Он был чистым. Каким зашёл, таким и вышел. Как в физическом, так и в моральном плане.

«Неужели он был врачом?» Я помню, как решил забыть все прошлое, отринуть его, и даже не заикаться о нём, но все же… Я так и не узнал, кто такой Нилрем и кем он был. Столь много знаний о медицине, наталкивают меня на мысль о враче. А его напыщенность, о том, что Нил был главврачом клиники, может даже выше.

— Вот как, — тихо проговорил Пол, но тут же оклемался. — а Зенит разве не с тобой пошла? Где она сейчас?

— Осталась с Лили, говорила глупости по типу: «Подожду тут, пока она не очнётся». Боже, у неё ещё ребенок есть в кроватке.

Ох, точно, они ведь не мы, перерожденцы. Нормальные дети не терпят подолгу, не пытаются отнекивается и точно тихо себя вести не будут. Зенит слишком сильно с нами расслабилась, и даже не представляет, каково это воспитывать настоящего ребенка.

— Я пойду к ней, — отец, выразил желание пойти, беспрекословно. Он сорвался к двери огибая старшего сына, который припечатал ладонью к лбу, попутно проговаривая: «И ты оставляешь младенцев детям?»

Я же ближе подошел к брату, мягко толкнув его.

— Да ладно тебе, мы же более взрослые, чем выглядим, за столько лет, к нам появился кредит доверия.

— Я этого не отрицаю, только вот, если они вновь решат завести детей? Сам видишь плодовитость отца. Если они так и продолжат по инерции детям все позволять, ведь с первыми как-то прокатило, то добром это не кончится.

— Здравые мысли ты говоришь, — тут невозможно не кивнуть.

— Я всегда здравые мысли говорю, только вот вы, совсем не понимаете моего гения, «подточить нос», то же мне, великие стратеги, — фыркнув, Нил сложил руки вместе и обратил взгляд на кроватку сестричек.

— Ну да… — и все же, как выразился «Нос подточить», ему надо. У Пиноккио длинный нос, когда он врёт у брата, когда он хвастается. — Кстати, хотел спросить.

— М? Ну уж спрашивай, разрешаю, — может он так на мне отыграться захотел? Не говорит же так на постоянной основе.

— Почему Лили спит, и как ты вообще её лечил?

— Ты же гений в магии, сам подумать не можешь?

«Зачем же так грубо? Могу подумать, конечно». Чего только не пролетит в голове, пока думаешь над задачей.

— Тебе пришлось её каким-то образом вырубить… удар? Или использовал анестезию?

— В некотором роде, то, что я сделал взаправду можно так назвать, — брат кивнул, возвращая взгляд синих глаз на меня. — а далее, все было элементарно. Ничего с повышенной сложностью я не делал. А вот то, что ты так и не овладел невербальной магией исцеление, заставляет задаться вопросом о твоей компетенции.

— Да ну тебя!

Шутливо пихнув кулаком плечо брата, я обернулся, чуть приспуская подбородок. И вправду. Нилрем объяснял мне, как работает Целительство, только вот, как-то не получалось, даже если знал. Без слов, все словно валилось с рук. Не знаю уж, такая моя слабость, или я просто тупой, но пока что, не было ни единого момента, когда исцеление мне нужно было. Скажу лишь, что моя прогрессия замедляется, а потому кроме целебной магии мне и заняться не чём.

Впрочем, какая разница, раз все хорошо? Отвоюю Сильфи, построю дом, женюсь да буду жить счастливо, бед не знать и смут не ведать. Разве мне нельзя получить каплю счастья?

А, как-то неприятно в груди, как только думаю о счастье. Не так должно быть. Все из-за слов Нила, которые он обронил одним вечером?

"Хватит витать в облаках, оболтус, твой сон давно закончен", что бы могло это значить? Он явно строит из себя крутого.

http://tl.rulate.ru/book/84638/2743445